

Министерство образования и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Санкт-Петербург
2014

ББК 63.3(2):63.2:66.0

Р76

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН *Б. Н. Ковалев*
Доктор исторических наук, профессор СПбГУ *А. Х. Даудов*

Российский социум: прошлое, настоящее, будущее. — СПб.: Изд-во
Политехн. ун-та, 2014. — 372 с.

Научный редактор *С. В. Кулик*
Ответственный редактор *Н. В. Офицерова*

ISBN 978-5-7422-4611-4

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

■ Paul A. Wlodkowski

SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE «ROAD OF LIFE»

Introduction

Monumental engineering projects have always captivated the imagination. The pyramids of Egypt, the Roman aqueducts, and the Great Wall of China are but few of the notable examples that define civilizations. Their enduring legacy is a testament to technological and organizational prowess, and for these reasons, scholars continue to research their impact on society. Yet history offers a paucity of engineering projects where the ephemeral existence of the structures was necessitated by design and by the immutable forces of nature. During the Siege of Leningrad, engineers, scientists, and mathematicians designed and supervised the operation of the «Road of Life», which enabled the miraculous transport of vital supplies across frozen Lake Ladoga, mitigating the toll of starvation and preparing the city for its successful counteroffensive. This paper highlights the principal scientific and technical achievements in the «Road of Life» by the combined efforts of four engineers and scientists: Pavel Pavlovich Kobeko, Naum Moiseevich Rejnov, Sergei Sergeevich Golushkevich, and Boris Petrovich Vejnberg. It also brings new attention to their accomplishments and how they were prepared for this perilous mission. The first three men had close affiliation with the Leningrad Polytechnical Institute, which today is known as the St. Petersburg State Polytechnical University. B.P. Vejnberg was associated with the Tomsk Technological Institute, now known as the Tomsk Polytechnic University. In addition to reviewing the collective contributions of these four men, this paper will also analyze how the system of Russia's engineering education at the end of the 19th and start of the 20th centuries — particularly highlighted by the Leningrad

© Paul A. Wlodkowski, 2014.

номических до духовно-нравственных. Причем доминирующими являются потребности повышения национальной солидарности и уровня государственной защищенности русских.

Итак, «россияне», как политическая нация, пока представляют собой не более чем конституционный принцип, не являясь реальным мотивационно-организующим фактором. Пройдут, возможно, столетия, прежде чем могут появиться основания для идентификации единого российского суперэтноса и единой российской («общенациональной») этносистемы — пока ее не существует. Кто выступает субъектом формирования суперэтноса или nation-building? Хотя формирование наций и является естественно-историческим процессом, его скорость зависит, разумеется, от тех или иных обстоятельств. Нации не могут быть построены, а могут только сформироваться. «И как бы искренне ни верили американские политологи в адекватность придуманного ими понятия, примечательно, что даже те из них, кто никогда из них не отличался осторожностью при высказывании парадоксальных идей, предпочитают говорить в своих новых работах не о «nation-building», а о «state-building»¹⁵. Если же в процессе строительства государства и возникает нация, то, по мнению Ф. Фукуямы «это становится результатом скорее счастливого случая, чем намеренных действий»¹⁶.

С одной стороны, процессы этносуверенизации, наблюдающиеся в современном российском социуме, усиливают интерес к историческим корням этносов, обостряют национально-этническое сознание и, казалось бы, должны вести к устойчивому развитию этноса, стабилизации этноэкологического баланса. Однако рефлексия исторической укорененности и древних традиций этноса нередко ведет к прямо противоположным результатам, особенно если этническое «поле» давно стало полиструктурным, если реанимирование прежнего этнического сознания ассоциируется с ростом этноцентризма и распространением негативных стереотипов восприятия иных этносов, если тенденция к суверенизации приходит в противоречие в принципами федеративного устройства страны.

Закончим статью уже неоднократно высказывавшейся нами мыслью: если хотя бы часть многочисленных этнокультурных «фрагментов» нашей страны будет и далее «судорожно цепляться» за свое право не участвовать в формировании «*Russian identity*», централизованную страну ждет незавидная судьба.

¹⁵ Иноземцев В. «Nation-building»: к истории болезни // МЭМО, 2004, № 11. С. 14.

¹⁶ Fukuyama F. State-Building. Governance and World Order in the Twenty-First Century. — L., 2004. P. 134.

■ В.Л. Мартынов

Санкт-Петербург

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Историческая география — научная дисциплина, изучающая особенности, тенденции и закономерности формирования как исчезнувших, так и ныне существующих геопространственных структур. Подобные структуры формируются в результате совместного действия двух процессов — организации и самоорганизации. К настоящему времени сформировалось два основных определения процессов организации и самоорганизации: согласно первому, и организация, и самоорганизация внутренне присущи самой системе, и различаются по направленности действия, согласно второму под организацией понимается процесс развития системы под влиянием внешних по отношению к ней воздействий, под самоорганизацией — внутренне ей присущих. В общественных науках в целом, и в общественной (социально-экономической) географии в частности, широко применяется второе определение, используемое и в данной работе.

В развитии любой системы можно выделить два «пределных» состояния — упорядоченности и хаоса. Чередование периодов упорядоченности и хаоса свойственно временной структуре в пространстве и пространственной структуре — во времени. То, что упорядоченность и хаос во времени чередуются, очевидно. Порядок и хаос в общественном развитии представляют собой относительные категории, и отнести ту или иную эпоху ко времени хаоса или времени упорядоченности можно, лишь сравнивая ее с предшествующими

© Мартынов В.Л., 2014.

и/или последующими периодами развития общества. То же относится и к определению хаоса и упорядоченности в пространстве — установить принадлежность части пространства к «зонам хаоса» или «зонам упорядоченности» можно лишь путем их сравнения.

Большая упорядоченность и предсказуемость присуща системам, развивающимся под воздействием процессов самоорганизации, а большая хаотичность и непредсказуемость — под воздействием процессов организации. Как это ни парадоксально, по мере выравнивания уровней регионального развития хаотичность в развитии мира в целом и его отдельных частей будет возрастать (свидетелями этого процесса мы сейчас являемся).

Для временного развития общества свойственно сочетание процессов организации и самоорганизации, которое приводит к цикличности процесса развития. Прямую аналогию между временными и пространственными структурами провести достаточно сложно, но тем не менее можно утверждать, что циклическим структурам во времени соответствуют кольцевые структуры в пространстве. Пространственная самоорганизация общества как структура и как процесс, с одной стороны, формирует систему общественного взаимодействия и взаимосвязей, а с другой — формируется ею, образуя при этом кольцевые структуры, в пределах которых сочетаются «зоны упорядоченности» и «зоны хаоса».

Зоны упорядоченности, или активные зоны, располагаются в центре (центральные активные зоны) и на окраинах кольцевых структур (краевые активные зоны). Взаимодействие между центральными и краевыми активными зонами обеспечивается за счет радиальных активных зон. Зоны хаоса, или пассивные зоны, служащие источником ресурсов для развития активных зон, располагаются, во-первых, между центральными и краевыми активными зонами, будучи во многих случаях разделенными радиальными активными зонами на отдельные сектора, и во-вторых, могут располагаться за внешними пределами краевых активных зон. «Зоны хаоса», расположенные между центральными и краевыми активными зонами, представляют собой внутренние пассивные зоны. Аналогичные зоны, за внешними пределами краевых активных зон, являются внешними пассивными зонами.

Центральная активная зона представляет собой организующий центр кольцевой структуры, ее наиболее развитую часть, где процессы взаимодействия происходят с наибольшей силой. Краевая активная зона — окраинная часть кольцевой структуры. Краевая

активная зона может иметь значительную протяженность, и ее отдельные части могут существенным образом отличаться друг от друга по уровню вовлеченности в процессы взаимодействия и насыщенности взаимосвязями. В этом случае можно говорить о сегментах краевой активной зоны.

Уровень развития радиальных активных зон близок к уровню краевых активных зон. Если для краевых активных зон свойственно стремление к перемещению вовне и движению в кольцевом направлении, то для радиальных активных зон — к радиальному движению, сопряженному с движением краевых зон.

Пассивные зоны, как внутренние, так и внешние, представляют собой источник ресурсов для развития ядра и районов. Развитие пространств, входящих в состав пассивных зон, осуществляется лишь вследствие воздействия со стороны активных зон.

Процессы организации при этом могут как способствовать развитию кольцевых структур, так и препятствовать ему. В случае, если процессы организации препятствуют развитию кольцевых структур, пространственная структура общества может остаться на нуклеарной или линейной стадиях развития. Более того, под воздействием процессов организации уже существующая кольцевая структура может распасться на отдельные части. Но следует отметить, что при соответствующих условиях эти части вновь могут соединиться в кольцевые структуры. Следует отметить, что кольцевая структура, однажды сформировавшись, сохраняется на протяжении длительного времени (так, началом формирования Западно- и Восточно-Европейской кольцевых структур можно считать IX — XI вв.).

Не следует отождествлять центральные и краевые активные зоны со столичными и периферийными регионами государства. В пределах крупных государств может формироваться несколько кольцевых структур, и в то же время одна кольцевая структура может охватывать части территорий нескольких государств.

Кольцевые структуры в пределах территории России формировались и развивались с самого возникновения нашего государства и до 20-х гг. XX в. преимущественно под воздействием процессов самоорганизации.

Во второй половине первого тысячелетия нашей эры сложилось два меридиональных пути, проходивших по рекам Восточно-Европейской равнины — Балтийско-Каспийский и Балтийско-Черноморский. В IX — X вв. эти два пути соединяются широтным путем, проходившим по рекам Десна и Ока. Таким образом, в центральной

части Восточно-Европейской равнины формируется кольцевая структура, после чего в соответствии с логикой ее развития начинается процесс формирования центральной активной зоны на территориях, разделявших краевые активные зоны. Этот процесс заключался в создании множества новых городов на «большом водоразделе» бассейнов Оки, Волги и Балтийского моря (XII в.). Каждый из этих городов мог стать «центральной активной зоной» будущей России, но в силу ряда случайностей в начале XIV в. устанавливается преобладание Москвы.

В XVII в. статус Москвы как центральной активной зоны был твердо закреплён. Основу восточного сегмента краевой активной зоны в XVII в. являлась Волга до впадения в нее Оки. Примерно по линии Вологда — Псков располагался северный сегмент краевой активной зоны, представлявший собой наиболее развитую и освоенную часть территории государства. На протяжении нескольких столетий в пределах этой территории располагались крупные торговые города — Великий Новгород, Псков, позднее Вологда. Западный сегмент был вытянут вдоль западной границы Московского государства XVII в. К середине XVII в. южный сегмент краевой активной зоны Европейской России смешается от на юг от Оки к «засечным чертам».

Начало XVIII в. ознаменовано смещением краевых активных зон в Европейской России к побережью Балтийского моря, связанным с победой в Северной войне 1700—1721 гг. Но одновременно с продвижением к морю внешней границы краевой активной зоны смещается и ее внутренняя граница, что вводит входившие в его состав территории (Новгород, Псков) в состояние стагнации.

В XIX в. краевая активная зона кольцевой структуры Европейской России продолжает свое движение. Смещение западного сегмента было связано с включением в состав России Царства Польского. Если в XVIII в. на запад, в пределы Прибалтики, сместилась северная часть западного сегмента, то вс присоединением Царства Польского в движение пришла его центральная часть. Южный сегмент Европейской России сместился в Причерноморье и Приазовье.

К началу XX в. очертания кольцевых структур России стабилизируются. Все вышеизложенное можно подтвердить сведениями об изменении численности населения крупных районов Европейской России. Так, численность населения Новороссийских губерний (Северное Причерноморье), представлявших собой южный сегмент краевой активной зоны Европейской России, за 1811—1863 гг. увели-

чилась в 2,8 раза (с 1,8 млн. чел. до 5,1 млн. чел.); за тот же период население Центрального Земледельческого краевой активной зона (пассивная зона) возросло в 1,3 раза (с 9,1 млн. чел. до 12 млн. чел.). В Приозерном крае (северо-запад нынешней России) численность населения за то же время увеличилась в 1,3 раза, но увеличение численности населения по отдельным губерниям этого края отличалось ярко выраженной контрастностью. Так, в Петербургской губернии (западный сегмент краевой активной зоны) за это время увеличилась почти в 2 раза (с 600 тыс. чел. до 1174 тыс. чел.). В Новгородской губернии численность населения за 1811—1863 гг. выросла с 766 тыс. чел. до 1006 тыс. чел., а в Олонецкой с 245 тыс. чел. до 296 тыс. чел. Но в Псковской губернии, представлявшей собой часть внутренней пассивной зоны, которая с начала XVIII в. находилась в состоянии стагнации, эти же годы отмечены сокращением численности населения с 782 тыс. чел. до 719 тыс. чел.¹

Наиболее значимой была кольцевая структура Европейской России, где функции центральной активной зоны выполняла Москва. Функции центральной активной зоны продолжала выполнять Москва, причем во второй половине XIX в. ее значение увеличивалось чрезвычайно быстро. В 1867—1897 гг. численность населения Москвы выросла с 351 609 чел. до 1 035 664 чел., т. е. увеличилась почти в 3 раза. В конце XIX в. Москва уступала по численности населения Петербургу (1 267 023 чел. в 1897 г.), но численность населения Петербурга росла медленнее (в 1867—1897 гг. в 2,3 раза)². Промышленное производство в Москве также росло более быстрыми темпами, чем в Петербурге. В конце XIX — начале XX вв. Москва опережала Петербург по числу фабрик и заводов, а также численности рабочих, а к 1914 г. опередила Петербург и по объему выпуска продукции фабрично-заводской промышленности (665 009 тысяч рублей и 476 768 тысяч рублей соответственно)³.

Западный сегмент ее краевой активной зоны включает в свой состав приграничные территории России, Германии и Австро-Венгрии. Исходя из закономерностей развития кольцевых структур, по достижении предела территориального расширения начинается

¹ Рашин А. Г. Сдвиги в территориальном размещении населения России в XIX и в начале XX в. // Вопросы географии, сб. 20—Историческая география СССР. — М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1950. — с. 99—122.

² Рассчитано по: Россия в конце XIX века. — СПб., 1900. — 968 с.

³ Климов В. И. 103 важнейших центра фабрично-заводской промышленности Европейской России // Вопросы географии, сб. 50 — Историческая география. — М., 1963, с. 195—211

устранение фрагментации краевой активной зоны. Именно этот процесс и начался в Западном сегменте, как на севере (вдоль побережья Балтийского моря, русско-германской и русско-австрийской границы), так и на юге (вдоль границы России с Австро-Венгрией, от Одессы к Львову). Бурное развитие территорий, входивших в состав краевой активной зоны, подтверждается, в числе прочего, данными о росте численности населения городов, расположенных в ее пределах. Население Варшавы выросло за 1867–1897 гг. со 181 до 638 тыс. чел. Население Лодзи за тот же период увеличилось без малого в 10 раз, с 32 до 315 тыс. чел. Население Риги выросло с 77 до 282 тыс. чел., Киева с 68 до 247 тыс. чел., Одессы со 119 тыс. до 405 тыс., Екатеринослава с 20 тыс. до 121 тыс. чел., Ростова-на-Дону с 29 тыс. до 120 тыс., Царицына с 8,5 тыс. до 56 тыс., Иваново-Вознесенска с 1,4 тыс. до 54 тыс.⁴

Промышленный переворот в принадлежавшем России Царстве Польском и германской Верхней Силезии завершился практически одновременно, в 70-е — 80-е гг. XIX в.⁵ Оба этих района, Царство Польское и Силезия, будучи одними из ведущих индустриальных регионов своих стран, образовывали единый территориальный массив, входивший в состав западного сегмента краевой активной зоны кольцевой структуры Европейской России и восточного сегмента — Германии. Следует отметить, что свободное движение рабочей силы и капиталов, трансграничное хозяйственное взаимодействие, формирование межгосударственных экономических районов и т. д., то, что сейчас относится к достижениям европейской интеграции, существовало еще до I мировой войны и было утрачено впоследствии. «Первая мировая война положила конец эпохе «открытых границ»... «Мир 1913 года», как Афины времен Перикла, стала во многих отношениях моделью цивилизации. 1913 год представляет собой целую эпоху»⁶.

Развитие южного сегмента краевой активной зоны было шло еще быстрее, чем западного. Значение Юга в жизни страны все более усиливается. Восточный сегмент развивался медленнее, чем западный и южный, но тем не менее его развитие продолжалось. Во второй половине XIX в., с окончанием Кавказской войны, выявился обшир-

ный ареал территориальной экспансии южного сегмента — Северный Кавказ. Так, М.К. Любавский утверждает следующее: «...Гражданская колонизация Терской области пошла усиленными темпами с конца 60-х гг. XIX в. В последние десятилетия численность населения Терской области быстро возрастала: в 1886 г. в области проживало 692 494 чел., а в 1897 г. уже 933 485 чел., за 11 лет население увеличилось почти на 35 %...»⁷.

Дальневосточная кольцевая структура, включавшая в свой состав не только юг русского Дальнего Востока, но и Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). Таким образом, Дальневосточная кольцевая структура имела трансграничный характер. Дальний Восток в начале нашего столетия был не совсем Россией, что очень четко ощущалось современниками. «...От Дальнего Востока веет чем-то заграничным, чем-то американским. Он кажется самостоятельным народнохозяйственным и бытовым организмом, во многом отличным от того, что мы видим в разных частях западной и средней Сибири...»⁸. Единство русско-маньчжурской кольцевой структуры обеспечивалось и полной прозрачностью русско-китайской границы. В Северной Маньчжурии жило до 200 тыс. русских⁹.

После революции перед руководством Советской России встала дилемма: восстанавливать систему межрегионального взаимодействия, существовавшую в Российской Империи или создавать новую. Безусловно, в те годы эта проблема таким образом не формулировалась, но реально она существовала, причем подтверждение этому можно найти как во внешней, так и во внутренней политике того времени.

Проявлением во внешней политике можно считать дискуссию о мировой революции, характерную для 20-х гг., а во внутренней — концепцию районирования страны на основе специализации хозяйства, которая реализовывалась в это же время. «Территориально» идея мировой революции в сущности сводилась к тому, чтобы силой восстановить границы бывшей Империи, и если представится возможность — захватить еще несколько стран, восстановив тем самым пространственную структуру общества дореволюционной России. Внешнеполитическими действиями, свидетельствующими об этом,

⁴ Россия в конце XIX века. — Спб., 1900. — 968 с.

⁵ Константинов О.А. Экономические центры Привислинского края на рубеже XIX — XX столетий // Изв. ВГО, 1973 — т. 105, в. 1 — с. 21–27; Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней. — М.: Наука, 1993. — 528 с.

⁶ Синцеров Л.М. Волны глобальной интеграции // Изв. РАН, сер. Геогр., 2000 — № 1 — с. 69–78

⁷ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. — М.: МГУ, 1997. — 682 с.

⁸ Колосов Е.Е. Дальний Восток и наше будущее. — Красноярск: Т-во «Сибирские огни», 1919. — 48 с.

⁹ Синицкий Л. Краткий учебник экономической географии СССР и пограничных государств. — М.: Работник просвещения, 1924. — 154 с.

являются война с Польшей и установление мирных отношений с прибалтийскими государствами (1920 г.). Столь разные способы восстановления западного сегмента объясняются в первую очередь разными отношениями с государствами — хозяевами «лимитрофов». Если страны Прибалтики входили в сферу влияния Великобритании, которая в первые послереволюционные годы явно стремилась к восстановлению отношений с Советской Россией, то Польша — Франция, бывшей непримиримым врагом Советов до середины 1920-х гг.

Великобритания стремилась занять место Германии в экономике России, надеясь приобрести в «стране большевиков» доминирующие позиции. «...Задача английского правительства должна была свестись к тому, чтобы приручить Советскую власть, подчинить ее английскому контролю...» [20]. Уже с 1920 г. начинаются т.н. «Карские операции» — вывоз леса из Сибири через моря Северного Ледовитого океана, причем основным потребителем этого леса являлась Великобритания. Под освоение ресурсов Сибири, имевшее целью снабжение капиталистических государств, «подводилась» весьма своеобразная «идейная база». Один из «вождей» Советской России 20-х гг. Л.Б. Каменев говорил так: «...У нас есть лес, который необходим в первую очередь...Англии, которая решила строить ежегодно...100 тысяч домов, причем у них на это есть денежки, в то время как в Москве...мы этого не имеем»¹⁰. Взаимодействие с Великобританией, а затем — с США явилось основной причиной хозяйственного освоения северных окраин страны в межвоенное время.

Но «...Англия, заинтересованная в хозяйственном восстановлении России, нисколько не заинтересована в восстановлении государственности... В этом несомненно заключается одна из причин длительной и упорной, хотя первоначально и скрытой, поддержки англичанами большевиков как наилучших разрушителей русской государственности...»¹¹. Возможности советско-британского взаимодействия существенно ограничивались тем, что противоречия между Россией и Великобританией в Азии сохраняли свою остроту: «...Владея Кавказом, московское правительство ... попыталось поднять против Англии весь ислам от Египта до Бенгала...»¹².

Но с 1924 г. советско-британские отношения резко обостряются. Борьба Великобритании с СССР поневоле приводит к тому, что Со-

¹⁰ Каменев Л.Б. Речь на собрании ответственных работников Московской организации 22 августа 1924 г. // Международное и внутреннее положение СССР. — М.: ЦК и МК РКП, 1924. — С. 32.

¹¹ Ландау Г. Сумерки Европы. — Берлин: Слово, 1923. — С. 287.

¹² Э. Признание Советского правительства. — М.: НКВД, 1925. — С. 73.

ветский Союз в глобальном противостоянии начинает выступать на стороне США, главного тогда противника Британской империи. СССР и США чрезвычайно быстро наращивают темпы взаимодействия, и уже в начале 30-х гг. утверждалось следующее: «...Не подлежит сомнению, что развитие внешних промышленных связей Союза произойдет главным образом за счет американской промышленности...»¹³.

Проследить действие инерционного фактора внутри страны проще, чем вне ее. Новое строительство в 20-е гг. практически не велось. Л.Д. Троцкий в середине 20-х гг. писал: «...До войны расширение промышленности в основе своей состояло в постройке новых заводов. В наше время в гораздо большей степени оно состоит в использовании старых заводов и загрузке старого оборудования...»¹⁴. Кроме этого, стремление к восстановлению существовавшей до революции пространственной структуры общества может быть прослежено поразного рода планам и проектам, выдвигавшимся и осуществлявшимся в 20-е гг.

О преобладании тенденций к сохранению дореволюционной пространственной системы социально-экономического взаимодействия России свидетельствует и реформа административно-территориального деления страны, проводившаяся в 1920-е гг. (районирование). Утверждалось, что «...Каждый район в народном хозяйстве всего Союза приспособлен выполнять одну определенную хозяйственную роль. Например, Центрально-Черноземный краевая активная зона должен выполнять роль «житницы» Союза, Урал — снабжать Союз ССР металлом, Центрально-Промышленная область — мануфактурой...»¹⁵. Но, таким образом, сама идея районирования предполагала восстановление, сохранение и дальнейшее развитие пространственной структуры хозяйства дореволюционной России. Однако «инерционности» развития было достаточно для того, чтобы восстановить сами экономические объекты (заводы, фабрики, дороги), но не систему взаимодействия между ними, которая существенным образом трансформируется. «Из системы идей экономического районирования ... была воспринята лишь одна часть — административно-территориальная перестройка Союза. Вторая и основная часть — организация районов, как целостных

¹³ Мурманская железная дорога как транспортно-промышленно-колониационный комбинат. — Л., 1930. — С. 39.

¹⁴ Троцкий Л.Д. К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). — М.-Л.: Плановое хозяйство, 1926. — 68 с.

¹⁵ Колесников А. Районирование и улучшение государственного аппарата. — М.-Л.: ГИЗ, 1927. — 54 с.

производственных комбинатов с известной специализацией, с определенным распределением хозяйственных функций между Союзом и районами ... встретила непреодолимые трудности»¹⁶.

В 20-е гг. в развитии страны преобладали «восстановительные» процессы, которые в силу ряда причин заканчиваются крахом. Если после гражданской войны был утерян западный сегмент краевой активной зоны кольцевой структуры Европейской России, то в конце 20-х гг. были полностью разрушены две кольцевых структуры — Дальневосточная (в силу внешних причин) и Западно-Сибирская (ее распад обуславливался внутренними факторами). Рухнула вся существовавшая до этого система межрегионального взаимодействия. Распад Западно-Сибирской кольцевой структуры определялся ускоренной индустриализацией Западной Сибири, связанной с реализацией проекта Урало-Кузнецкого комбината. Но Новокузнецк и Магнитогорск смогли появиться только за счет опустошения территорий, лежащих между ними. Это прослеживается по сокращению абсолютной численности сельского населения в районах Урала, Западной Сибири и Северного Казахстана. Так, за 1925–1939 гг. сельское население Казахстана сократилось на 115 тыс. чел., Западной Сибири на 200 тыс. чел., Урала на 400 тыс. чел.¹⁷. Очевидно, что значительная часть этого сокращения приходится на жертв голода начала 30-х гг., но доля миграционного оттока, как можно предположить, была весьма значительной.

Тип взаимодействий, характерный для 30-х гг., может быть назван нуклеарным. Развитие отдельных, наиболее «удачливых» регионов (Москва, Юго-Восточная Украина, Урал, Кузбасс) подгонялось за счет перекачки ресурсов с других территорий страны, причем эта перекачка имела зачастую внеэкономический характер («метод приоритетов»).

Основой экономического развития страны в 30-е гг. становится концепция «технико-экономической независимости СССР». Стремление к формированию новой территориальной структуры хозяйства прослеживается прежде всего в отказе от идеи районирования на основе специализированного хозяйства. «...Мы осуществляем линию на равномерное, социалистическое размещение производительных

¹⁶ Колосовский Н.Н. Проблема порайонной организации хозяйства СССР // Плановое хозяйство, 1929—№ 6 — С. 20

¹⁷ Константинов О.А. О сдвиге на восток производительных сил СССР // Вопросы географии, сб. 10 — Экономическая география СССР. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948. — с. 53–67

сил в нашей стране...»¹⁸. Во всех крупных экономических районах страны считалось необходимым создания сходной отраслевой структуры хозяйства. Каждый крупный экономический район СССР должен был стать самодостаточным. «XVIII съезд ВКП (б) ... поставил задачи: обеспечения комплексного развития основных экономических районов СССР, при котором каждый район должен производить в размерах, покрывающих его потребности, цемент, алебастр, химические удобрения, стекло, массовые изделия легкой и пищевой промышленности. Каждая область, край и республика должны производить у себя ... картофель, овощи, молочные и мясные продукты, муку, кондитерские изделия, пиво, галантерею, изделия швейной промышленности, мебель, кирпич, известь ... Большое значение имеют указания съезда на необходимость решительной борьбы с гигантоманией и широкий переход к строительству средних и небольших предприятий по всей территории Союза»¹⁹. Вся межвоенная индустриализация свелась, в сущности, к ускоренному росту районов «старой индустриализации», оставшихся в пределах СССР.

Значительные перемены происходят во время Великой Отечественной войны. Эвакуация населения и промышленных предприятий в восточные районы страны (эвакуационная волна индустриализации) приводит к тому, что пространственное взаимодействие приобретает линейный характер, и самая мощная линия взаимодействия формируется по направлению Москва — Кузбасс. Линейная система взаимодействия, хотя бы и сложившаяся под воздействием чрезвычайных обстоятельства, была шагом вперед по сравнению с нуклеарной, свойственной 30-м гг. Если в 20-е гг. предпринимались попытки восстановить пространственную структура бывшей Империи в полном объеме, а в 30-е гг. ускоренно развивались ее отдельные участки, то во время войны формируется широтная система взаимодействия, соединившая Европейскую и Азиатскую части России, и имевшая линейный характер. «По ориентировочным данным, за первые два года войны было эвакуировано из прифронтовой полосы в тыловые районы свыше 1500 предприятий крупной промышленности... Эвакуация промышленности происходила преимущественно в районы Урала, Западной Сибири, Среднего Поволжья...»²⁰. За годы войны промышленное производство на Урале увеличилось в 3,6 раза,

¹⁸ Основы теории советского хозяйства. — Л.: Прибой, 1931—384 с.

¹⁹ Коробов А. Задачи комплексного территориального планирования // Плановое хозяйство, 1940 — № 11 — с. 39

²⁰ Кантор Л.М. Перебазирование промышленности СССР // Записки планового института, в. VI. — Л., 1947. — с. 57—133.

в Сибири в 2,8 раза, в Поволжье в 3,4 раза. Менялась и структура промышленного производства. Так, доля машиностроения в производстве промышленной продукции Урала поднялась уже к 1942 г. до 66 % против 42 % в 1940 г.²¹ Население Челябинска за годы войны удвоилось, а объем промышленного производства вырос в 6–7 раз²². Строились новые предприятия — например, в Челябинске во время войны был построен металлургический завод, «созданный усилиями коллектива строителей — наркомвнудельцев», т. е. заключенными ГУЛАГа. Создавались также новые для определенных районов отрасли — например, в Казахстане появилась черная металлургия²³, а в Восточной Сибири — тяжелое машиностроение (Красноярск)²⁴.

Вторая половина 50-х гг. — первая половина 60-х гг. в развитии СССР была чрезвычайно противоречивым временем. В руководстве государства прослеживаются некоторые тенденции к восстановлению хозяйственного значения регионов, пришедших за время сталинской индустриализации в запустение. К таким регионам относятся юг Западной Сибири и север Казахстана. До 20-х гг. эти территории были хорошо освоенными аграрными регионами, но строительство металлургических комбинатов на Урала и в Кузбассе, «раскасаживание» и коллективизация привели их в упадок. В 1954 г. начинается кампания по освоению целинных и залежных земель. Обычно внимание акцентируется на первом слове — «целинных», а второе слово — «залежных» будто не замечается. Между тем повторное освоение залежных земель, разрабатывавшихся до 20-х гг. и затем заброшенных, имело чрезвычайно большое значение. Более того, осуждается и сам «метод приоритетов»: «...В период культа личности Сталина в области территориального размещения производительных сил имели место субъективизм, многие решения не обосновывались экономически, часто не принимались во внимание реальные условия развития экономики районов... Партия покончила с волюнтаризмом, с попранием научных принципов размещения производительных сил...»²⁵. Последнюю фразу автора книги, вышедшей в хрущевские

²¹ Брейтерман А.Г. Экономическая география СССР. — М.: Высшая школа, 1968. — 454 с.

²² Беляев П. Сделаем Челябинск благоустроенным городом // Правда — № 36 (9807) — 11 февраля 1945 года.

²³ Пуск первого в Казахстане металлургического завода // Правда. — № 2(9773) — 2 января 1945 года

²⁴ Чумичев Н. Новая крупная база тяжелого машиностроения в Сибири // Правда. — № 42 (9813) — 18 февраля 1945 года

²⁵ Ведишев А.И. Проблемы размещения производительных сил в СССР. — М.: Изд-во экономической лит-ры, 1963—280 с.

времена, можно отнести скорее к благим пожеланиям, характеристика же территориальных аспектов сталинского периода строительства социализма в целом верна, хотя и выдержана в нарочито смягченном стиле.

В 70–80-е годы значение самоорганизации в трансформации пространственной структуры общества усиливается, а организации — снижается, однако этот процесс не имел непрерывного и устойчивого характера.

К событиям, происходившим в стране на протяжении 90-х гг. XX в. и начала XXI в., а также происходящим ныне, можно относиться по-разному. Но в пространственном отношении их вполне четкий результат — «возвращение на запад», устойчивый рост значения Европейской части страны. Если в 1989 г. в пределах Европейской России без Урала проживал 71,7 % населения России, то в 2000 г. 72,3 %, а в 2013 году 73,7 %. В 2000 г. на долю Европейской России приходилось 67,6 % суммы валовых региональных продуктов России (ВВП как суммы ВРП), в 2011 г. 70 %²⁶. Подобное развитие событие можно рассматривать как восстановление естественных тенденций пространственного развития, свойственных России рубежа XIX — XX вв.

Другими словами, постепенно возрождается Восточно-Европейская кольцевая структура. Одновременно с ее возрождением усиливается дифференциация между активными и пассивными зонами, входящими в состав этой структуры. Нарастание дифференциации подтверждается исследованиями системы расселения между Москвой и Санкт-Петербургом, выполненными Н.К. Терениной²⁷ в самом начале XXI в., и более новыми исследованиями Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша²⁸.

Но следует иметь в виду, что Восточно-Европейская кольцевая структура лишь частично представлена в пределах нынешней Российской Федерации. Значительная ее часть находится в пределах других государств — Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии. Очевидно, что «экономическая Россия» в Европе гораздо больше политической, и логика пространственной самоорганизации обще-

²⁶ Российский статистический ежегодник 2013/ стат. справочник. — М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013.

²⁷ Теренина Н.К. Особенности развития депопуляционных процессов в зоне активного влияния столичных центров — Москвы и Санкт-Петербурга. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004

²⁸ Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Между Москвой и Петербургом. Пути и регионы между столицами: развитие, проблемы // География, 2014 — № 3, с. 4–13

ства требует как можно более полного восстановления ранее существовавших структур. Поэтому региональная политика в нашей стране должна быть как внутренней, так и внешней. Внутренняя региональная политика должна быть направлена на преимущественную поддержку регионов, входящих в состав активных зон. Внешняя региональная политика должна быть направлена на то, что территории, входившие в состав активных зон и вышедшие из состава нашего государства, оказались в составе «экономической России», политический суверенитет новых государств при этом вполне может быть сохранен. Проявлением такой политики можно считать события зимы 2013 — весны 2014 гг. на Украине.

■ Т.И. Герасименко

Омск

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА: МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ?

В процессе глобализации и интенсификации всякого рода связей происходит ускорение межкультурного взаимодействия и изменение этнокультурного пространства, которое эволюционирует в сторону усложнения и диверсификации. Это особенно заметно в городах. Новая реальность характерна как для стран, недавно столкнувшихся с импортом культур, так и для государств, давно проводящих политику «открытых дверей». Главную роль играют миграции, которые приводят к изменению этноконфессионального состава населения. Эти процессы носят глобальный характер, но их проявление порождает проблемы, имеющие региональную специфику. Разумеется, главной в новых условиях становится проблема коммуникации этнокультурных групп, зачастую относящихся к разным культурным мирам. Весьма популярная на Западе социологическая концепция «правильного котла» Э. Гидденса потерпела фиаско (как и идеология формирования «единой общности — советского народа» в СССР). На смену ей пришла идеология мультикультурализма¹, предлагающая представителям разных этносов интегрироваться в новое общество, сохранив приверженность своей культуре².

© Герасименко Т.И., 2014.

¹ Глобализация и мультикультурализм. Отв. ред. Н.С. Кирабаев. — М.: РУДН, 2005

² Тюрюканова Е.В. Стратегия социальной интеграции трудящихся мигрантов [Электронный ресурс] // Центр миграционных исследований, 2012 — http://ruj.ru/_projects/the-strategy-of-social-integration-of-migrant-workers-.php

СОДЕРЖАНИЕ

История науки и техники

<i>Wlodkowski Paul A.</i> Science and Technology in the “Road of Life”.....	3
<i>Дьяков Б.Б.</i> Становление ученого сообщества в годы утверждения Со ветской власти в России	14
<i>Аладышкин И.В.</i> О перспективных ориентирах исторической реконструкции технической реальности в России	27
<i>Базжин В.А., Благих И.А.</i> Вклад отечественной школы эконо- мической мысли в формирование российского социума	43

Наукометрия

<i>Гринев А.В.</i> К вопросу об оценке научной деятельности в современном российском вузе (на примере СПбГПУ).....	53
---	----

История XIX века

<i>Михайлов А.А.</i> Генерал-лейтенант Н.Ф. Окулич-Казарин: военный юрист, краевед, историк.....	67
<i>Пилипенко А.Н.</i> Российская военно-морская судебная статистика (вторая половина XIX — начало XX вв.)	79
<i>Сидорчук И.В.</i> «В единении — сила»: к истории рыболовных обществ в России.....	88
<i>Обухова Ю.О.</i> Российское чиновничество конца XIX — начала XX века: трансформация социальной группы.....	97
<i>Таран А.Н.</i> Законодательство об акционерных коммерческих банках второй половины XIX в.	109

История XX века

<i>Кашеваров А.Н.</i> Русская Православная Церковь накануне прихода большевиков к власти	119
---	-----

<i>Мичурин А.Н.</i> Российские военно-дипломатические миссии в Турецкой республике в 1918—1923 годах.....	134
<i>Ульянова С.Б.</i> Журнал «Предприятие» как источник изучения корпуса «красных» директоров в 1920-е гг.....	150
<i>Извозик В.С.</i> Советская молодежь середины 1920-х гг.: условия жизни, настроения, убеждения (по материалам перлюстрации) ...	162
<i>Офицерова Н.В.</i> Карательно-репрессивная деятельность комсомола в заводском сообществе 1920-х гг.....	172
<i>Панкова-Козочкина Т.В.</i> «Крестьянские союзы» на Юге России в первые десятилетия XX века как историческая альтернатива местным органам власти способ противодействия аграрной политике большевиков	182
<i>Скорик А.П.</i> Казаки-колхозники Юга России: трансформация хозяйственного уклада в конце 1920—1930-х годах	197
<i>Кулик С.В.</i> В тылу врага: жизнь и судьба населения на оккупированной территории Ленинградской области	214
<i>Асташкин Д.Ю.</i> Как пропаганда формировала у общества образ И.В. Сталина в 1945—1956 гг.: от любви до ненависти (на примере Новгородской области)	235
<i>Матвейчук Е.Ф.</i> О проблеме создания единого учебника истории	246

Историческая география

<i>Гладкий И.Ю., Гладкий Ю.Н.</i> Об исторических уроках «строительства» гражданской нации в СССР и новой России.....	252
<i>Мартынов В.Л.</i> Пространственная самоорганизация общества в формировании и развитии Российского государства	263
<i>Герасименко Т.И.</i> Эволюция этнокультурного пространства города: межкультурная интеграция или изоляционизм	277
<i>Соколова А.А.</i> Эволюция повседневно-бытовых представлений о структуре православного конфессионального пространства	290
<i>Амбурцев Р.А., Раскин И.В.</i> Пространственно-временная устойчивость и трансформации электорального раскола Украины (по материалам выборов в Верховную Раду Украины 1998—2012 годов).....	305
<i>Маточкина А.И., Эйдемиллер К.Ю.</i> Конфессиональная география в контексте религиозного образования на примере мусульманской общины Санкт-Петербурга и Ленинградской области.....	314

<i>Эйдемиллер К. Ю.</i> Место и роль мусульманской общины в политической жизни стран Северной Европы: опыт Дании. «Карикатурный скандал» и его последствия 323	
Учебные материалы	
<i>Фомичева Л. С.</i> Кризис российской государственности и попытки модернизации монархии в начале XX века 336	
Аннотации 348	
Summaries 356	
Коротко об авторах 364	

Научное издание

**РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

Компьютерная верстка *Е. А. Типцовой*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3004 — научная и производственная литература

Подписано в печать 06.11.2014. Формат 60×90/16.
Усл.- печ. л. 23,25. Тираж 200. Заказ 225.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного Издательством Политехнического университета,
в Типографии Политехнического университета,
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.